

Когда тело Ван Эргоу наконец извлекли из вязкой жижи рисового чека, вокруг него плотным кольцом сомкнулись любопытные. В первом ряду теснились мужчины; чуть поодаль, вытягивая шеи, перешёптывались осмелевшие тётушки и молодухи. Тех же, кто был робок сердцем, и близко не подпускали — они стояли в стороне, крепко держа детей за руки и не давая им смотреть на страшную находку.

Ли Чжоучжоу и его супруг тоже вышли на шум. До их слуха то и дело долетали обрывки пересудов знакомых односельчан.

— Лицо-то как раздулось, — судачил один из почтенных дядюшек. — Глядеть тошно... Небось, в поле и выюны, и лягушки уже приложились.

— Помолчи ты, и так мороз по коже, — отмахнулась тётушка, стоящая рядом. — Я издали глянула — и то в дрожь бросило.

И неудивительно: затяжные весенние дожди, шедшие десять дней кряду, пропитали землю сыростью, и повсюду веяло могильным холодом. Кто-то, зябко потирая плечи, прошептал:

— Вчера ведь Цинмин был... Уж не «они» ли это за ним пришли?

— Старики не зря твердят: в ночь на Цинмин на дорогу не ногой, — подхватил другой, понизив голос. — Эта тропа в такое время — для предков, а не для живых.

В деревне Сипин «предками», гуляющими по ночам, называли не кого иного, как тени усопших односельчан.

Юноша подошёл поближе, чтобы разузнать, как именно всё случилось. Охотники до сплетен с готовностью принялись пересказывать историю учёному Гу и его супругу.

— Первым его Чжан Чжуцзы заприметил, — заговорила одна словоохотливая тётка, активно жестикулируя. — С утра пораньше пошёл на поле глянуть, видит — в чеке чернеет что-то огромное. Подумал ещё, мол, не ровен час, посева кто попортит. Подошёл поближе, и что бы вы думали?

Она сделала паузу, наслаждаясь вниманием. Гу Чжао отметил про себя, что некоторые сельчане в мастерстве повествования могли бы тягаться с заправскими сказителями.

— Человек там лежал! — воскликнула она, округлив глаза. — Ничком, прямо в грязи, вся одежда насквозь мокрая. Чжуцзы перепугался, окликнул раз-другой — тишина. Ткнул палкой — не шевелится. Кликнул Да-ню на подмогу, вдвоём-то они его и перевернули. А там Ван Эргоу — рожа вся оплыла, страсть... Давно уж он в том чеке дух испустил.

Закончив свой живописный рассказ, селянка не преминула добавить:

— Точно вам говорю — призраки его под воду затащили.

Для деревни такая таинственная смерть, да ещё и в праздник поминовения, стала главным событием месяца. О покойном особо не горевали — Эргоу в округе не любили. Перекинувшись парой дежурных фраз о том, как «жалко беднягу», люди с горящими глазами продолжали обсуждать подробности.

На краю поля госпожа Тянь из семьи Чжан уже всю честила покойника на чём свет стоит:

— Будь ты проклят, Ван Эргоу! Места тебе другого не нашлось, кроме как на моём поле издыхать? Всю землю осквернил, ирод, беду накликать!

— Да как у тебя язык поворачивается?! Сын мой помер... — заголосила мать Эргоу, осев на землю, но Тянь Ши лишь смачно плюнула в её сторону.

Упершись руками в бока, она продолжала разоряться:

— Твой сын помер, а земля-то моя! Нешто я его просила в мой чек лезть? Коли из-за твоего дохляка урожай пропадёт, я с кого серебро трясти буду? С тебя, что ли? Ишь, завывала она мне тут!

Кто-то попытался урезонить скандалистку, мол, о мёртвых так не гоже, но Тянь Ши мигом обратила свой гнев на советчика:

— Не на твоём поле он кис, вот ты и добрый такой! Коль так жалко его — неси к себе, пускай у тебя в грядках ночь полежит, а я посмотрю потом, как ты этот рис жрать будешь!

Советчик позеленел лицом и прикусил язык. И впрямь, кто захочет есть рис с поля, где целую ночь разлагался труп? Одно слово — скверна.

Староста, у которого уже голова шла кругом от криков, велел Чжан Чжуцзы унять жену, но куда там. Женщина рухнула на землю и завывала так пронзительно, что перекрыла причитания матери покойного. Голосила она самозабвенно, ровно профессиональная плакальщица на похоронах богатого купца.

— За что мне доля такая горькая! — стенала она. — Кто ж на нашу семью проклятие навёл? Земля плодородная нечистью осквернена! Обижают Чжанов, жизни не дают! Пускай семья Ван платит за порченную землю, люди добрые, рассудите по совести! Не я его жизни лишала, сам он, алкаш проклятый, глаза залил да в чужое поле свалился! Горе мне, горе! Рис мой пропал!

Её тонкий, визгливый голос резал слух, не давая матери несчастного и слова вставить. Цуньчжан понимал, что госпожа Тянь просто так не отступится, и решил не мешать — пускай уж лучше она изводит родственников Эргоу, чем требует компенсации от него.

Бедные родители, только-только узнав о смерти единственного сына, не успели даже выплакаться, как попали в оборот к неистовой Тянь Ши. Мать покойного, вконец обессилив, лишь беззвучно открывала рот, не зная, то ли о ребёнке тужить, то ли о грозящих расходах.

Дядя Ван стоял над телом своего непутевого супруга как громом поражённый. Лицо его было блее полотна. Качнувшись, он медленно осел на землю и лишился чувств.

— Дядя Ван в обморок упал!

— Ох, беда не приходит одна... — вздохнул кто-то в толпе. — Сяо Тянь и так от простуды никак не оправится, теперь ещё и это. Как же он теперь один-то будет? На его месте и я бы жить не захотел.

Староста велел женщинам не болтать попусту, а помочь донести Ван Сюэ до дома. Но те лишь переглядывались, не желая уходить и пропускать самое интересное:

— Дядя Ван всё же гэ'эр, как мы его, женщины, потащим?

— И то правда.

Ли Чжоучжоу, не раздумывая, шагнул вперёд.

— Мы с мужем поможем, — коротко бросил он.

Гу Чжао поддержал супруга, понимая, что это самый верный путь. Чжоучжоу и Ван Сюэ оба были гэ'эрами, и в их близости не было ничего зазорного, но после недавних гнусных сплетен присутствие учёного Гу отметало любые поводы для злословия.

— И впрямь, выдумают же люди невесть что, — зашептались в толпе. — Бедный Чжоучжоу из-за этих языков в лавку за тофу бегом бегал, и слова лишнего боялся сказать.

— Теперь-то уж точно никто не вякнет, раз Учёный Гу рядом.

Тётушка Ван, услышав это, позеленела от злости и круто развернулась к дому.

— Кто больше всех злится, тот, видать, и болтал больше всех, — донеслось ей в спину.

Родители Эргоу не могли бросить тело, им нужно было решать дела с похоронами и как-то отбиваться от Тянь Ши, которая требовала денег прямо здесь и сейчас. Все заботы разом легли на плечи престарелого отца покойного.

***

Дом семьи Ван

Ли Чжоучжоу поддерживал Ван Сюэ под руки, а Гу Чжао открыл калитку. Во дворе было пусто — лишь каменный жернов да кухонная утварь под навесом. Всё, что имело хоть какую-то ценность, наверняка было заперто на замок.

В доме пахло лекарствами и застарелой вонью. Гу Чжао безошибочно узнал запах мочи — в холодные ночи многие в деревне ленились ходить в нужник и пользовались ведром прямо в комнате. В семье Ли, к счастью, такого обычая не было.

Они внесли соседа в его комнату. Маленький Сяо Тянь, услышав шум, сполз с канги. На нём была лишь ветхая рубашонка; мальчик выглядел пугающе худым, а на бледной щеке виднелся багровый след от удара.

«Это не мог быть дядя Ван, — Гу Чжао нахмурился, — он в сыне души не чает»

— Папа! — Сяо Тянь босиком бросился к отцу.

— Твой папа просто лишился чувств, — мягко остановил его Учёный Гу. — Надень что-нибудь потеплее, не хватало тебе ещё сильнее разболеться.

Мальчик, едва сдерживая слёзы, со страхом глядел на Чжоучжоу. Тот уложил соседа на постель, не решаясь сказать ребёнку правду — пускай отец сам расскажет, когда придёт в себя.

— Теперь тебе придётся заботиться об отце, — сказал юноша. — Так что не мерзни, одевайся скорее. Я сейчас согрею воды.

— У нас дома котелок на огне, — предложил Гу Чжао. — Сбегаю принесу, это быстрее будет, чем здесь печь разжигать.

— И то верно, — согласился Чжоучжоу. — Сяо Тянь, присмотри за папой, я мигом.

Ли Чжоучжоу и Гу Чжао вышли со двора. Встречным сельчанам они коротко объяснили, что идут за горячей водой. Вскоре они вернулись с небольшим котлом, который зимой всегда стоял в их зале.

К тому времени Ван Сюэ уже пришёл в себя. Он лежал неподвижно, глядя в потолок остекленевшим взглядом, но в самой глубине его глаз читалось странное, ледяное спокойствие. Лишь когда в сенях послышались шаги, он на миг вздрогнул, но, увидев Ли Чжоучжоу, заметно расслабился.

Чжоучжоу ополоснул чашку, из которой ребёнок пил лекарство, выплеснул воду во двор и налил соседу тёплого питья.

— Дядя Ван, вы держитесь. Не ровен час, сами занедужите, — тихо проговорил Чжоучжоу, стараясь не пугать мальчика.

Ван Сюэ взял чашку, но пить не стал — просто грел об неё озябшие пальцы.

— Мёртвых не воротить, — подал голос Гу Чжао. — Теперь вам о живых думать надобно. Коли худо — не беритесь за дела, пускай те, кому положено, хлопочут. Вы и так всю жизнь за всех спину гнули, пора бы и о себе подумать. Посмотрите на сына... На кого ему теперь надеяться, кроме вас?

Веки вдовца дрогнули. Он посмотрел на Сяо Тяня, сделал глоток и сипло ответил:

— Спасибо вам, Чжоучжоу, Гу-шулан... Я всё понял.

Супруги не стали задерживаться. Оставив котел, они вышли из дома.

Как только дверь за ними закрылась, Ван Сюэ поманил сына к себе. Сяо Тянь прижался к нему, и сухая, мозолистая рука отца осторожно коснулась его лица.

— Болит ещё?

— Нет, папа. Я уже здоров, ты только не плачь.

Слезы всё же брызнули из глаз вдовца. Он крепко обнял ребёнка, шепча:

— Отец твой помер... В поле помер. Не бойся теперь, ничего не бойся...

Его руки мелко дрожали. Сяо Тянь послушно замер в объятиях, ещё не понимая до конца, что принесла им эта смерть.

***

Староста и деревенские старейшины тем временем договорились с отцом Эргоу. Крепкие

мужики перенесли тело в дом Ван, чтобы устроить всё по обычаю. Едва переступив порог, старик начал звать Ван Сюэ, требуя, чтобы тот немедля принимался за хлопоты.

Но стоило вдовцу сделать пару шагов, как он снова начал оседать, лицо его было землистым, а взгляд — мутным. Стало ясно, что помощи от него не дожидаться.

Староста, нахмурившись, осадил старика:

— Похороны — дело мужское, нечего вдовца по пустякам дёргать. Раз соседа нет — ты за главного.

Не дело это — свежеиспечённому вдовцу тереться среди посторонних мужиков.

Ван Сюэ вернулся на кангу. Он лежал с открытыми глазами, глядя на закопчённый потолок. За стеной шумели люди: спорили, где ставить гроб, решали, кто побежит в город за бумажными деньгами и свечами, обсуждали, у кого занять столы и лавки для поминального обеда...

— Папа, отдыхай, — прошептал Сяо Тянь.

Ван Сюэ прикрыл глаза. Его пальцы под одеялом сжались в кулаки, а затем медленно расслабились.

«Мёртв. По-настоящему мёртв»

Он и сам не знал, как решился на это вчера ночью.

Всё началось с того самого выигрыша. С тех пор как Эргоу принёс домой те два ляна, он совсем потерял человеческий облик. Требовал еды да выпивки, а на Ван Сюэ и смотреть не хотел — сразу уходил из дома.

Двух лянов в окрестных игорных притонах хватило надолго. В доме Ван наступили мирные дни. Но когда деньги кончились, Эргоу вернулся злой как чёрт — он не только спустил всё до медяка, но и задолжал в городе ещё один лян. Грозился продать землю, если Ван Сюэ не даст денег.

По законам Дали каждому мужчине при рождении полагалось пять му заливных и пять му засушливых земель, а женщинам и гэ'эрам — по пять му. После смерти земля возвращалась казне, кроме одного му заливных и одного му засушливых — это была родовая земля, неприкосновенная.

Дед Эргоу в своё время продал именно родовые земли. То, что осталось у них сейчас, продавать было нельзя — если бы покойный это сделал, после его смерти сыну пришлось бы возмещать

стоимость или отрабатывать долг на каторге.

Это был прямой удар по Сяо Тяню.

Вдовец отдал последний припрятанный лян, за что был облаян свекрами. Он привык к такой жизни, но супруг, вкусив крупной игры, больше не хотел довольствоваться медяками. Он грезил о возвращении тех двух лянов и проигрывал всё подчистую.

Накопленные деньги таяли, а побои становились всё чаще. К апрелю, когда ударили холода, Сяо Тянь занедужил. Ван Сюэ варил ему отвар, когда вернувшийся Эргоу в ярости разбил горшок и набросился на него с кулаками: «Денег на пропой нет, а на травки — нашлись?!»

Старики, хоть и дорожили внуком, побоялись лезть под горячую руку сына. Лишь Ван Сюэ прикрывал собой ребёнка, принимая удары на себя. Мальчик от страха и хвори совсем слег.

В те дни вдовец всерьёз думал о смерти. И тут на реке он встретил учёного Гу. Слова соседа эхом отозвались в его измученной душе...

Вчера был Цинмин. С утра Ван Сюэ ходил на могилы, а на обратном пути едва разминулся с Эргоу. Тот уходил в деревню Шили. Свекровь тогда строго наказала: «Эргоу сказал, что к ночи вернётся. Ты гляди, встретить его у околицы. А не встретишь — сам знаешь, шкуру спустит».

С наступлением темноты Ван Сюэ ходил к воротам, вернулся и сказал, что никого не видел. Такое бывало часто — Эргоу мог загулять на несколько дней. Старики решили, что сын остался у дружков, и легли спать.

Ван Сюэ молча сносил обиды. Он грел воду, чтобы обтереть сына, и, глядя на багровую опухоль на щеке мальчика, чувствовал, как внутри что-то окончательно перегорело. Слезы высохли. Если бы не Сяо Тянь, он бы сам наложил на себя руки.

Ночью ему не спалось. Стоило закрыть глаза, как виделся разъярённый Эргоу, врывающийся в дом и избивающий его за то, что не встретил. Дрожь от страха, вдовец оделся и взял масляную лампу. Зажигать не стал — берег масло. При лунном свете дорогу между полями было видно неплохо.

У дороги на Шили он заметил тень. Пьяный голос, выкрикивающий ругательства, Ван Сюэ узнал бы и из тысячи. Он замер, не решаясь подойти, и тут тень покачнулась и с плеском рухнула в рисовый чек.

Ван Сюэ подбежал к краю. Покойный, вдрызг пьяный, барахтался в вязкой грязи. Он даже не мог подняться на четвереньки — захлёбывался мутной жижей, кашлял и матерился.

«Коли пьяным ночью пойти да оступиться — в такую-то пору и в рисовом чеке захлебнуться

недолго...»

Протянутая рука Ван Сюэ замерла в воздухе. В голове вспыхнули слова учёного Гу.

«Если Эргоу не станет, то некому будет бить сына, некому отнимать деньги, некому измываться над ним самим!»

Ван Сюэ простоял так несколько секунд, глядя на барахтающегося в грязи мучителя. А потом, словно очнувшись, круто развернулся и бросился прочь. Он бежал так быстро, что упал, перепачкав одежду в иле.

Добежав до дома и заперев ворота, он почувствовал, как его колотит крупная дрожь. Трясущимися руками вдовец сорвал грязную одежду и бросил её в чан с водой. В комнату вошёл в одной рубашке. Свекры храпели так, что стены дрожали. Сяо Тянь приоткрыл глаза:

— Папа, ты где был?

— До ветру ходил, — шепнул он, — поскользнулся в темноте. Спи, маленький. Всё хорошо. Просто одежду испачкал.

«Если он выживет — пускай забивает меня до смерти»

Наутро, когда снова припустил дождь, к ним в ворота забарабанили. Сердце Ван Сюэ пустилось вскачь. На пороге стоял Да-ню:

— Дядя Ван! Твой Эргоу у нас на поле утоп!

Потом были крики свекров, опознание у поля... Ван Сюэ стоял под ледяным дождём, и внутри у него не было ничего, кроме странной пустоты. Он столько лет боялся одного лишь голоса Эргоу, а теперь тот лежал перед ним — неподвижный кусок плоти.

— Это ты! Ты его погубила! — набросилась на него свекровь.

Ван Сюэ не шевелился. Да, это он. Он не протянул руки, не бросился на помощь — и не жалел об этом.

Но деревенские лишь шикали на старуху: «Ваш сын по кабакам днями пропадал, все об этом знают! Нешто Ван Сюэ должен был всю ночь в поле дежурить? Совсем вы человека заездили!»

— Я ходил встречать... не видел его, — тихо проговорил вдовец.

***

Похороны затянулись на три дня. Вся деревня только и обсуждала, что Эргоу забрали призраки. Говорили, что даже небеса против него: стоило поставить гроб в зале, как крыша протекла и вода закапала прямо на поминальную табличку. Видать, при жизни столько зла сотворил, что и после смерти покоя не заслужил.

Особенно усердствовали женщины. Каждая видела в этом божий суд и грозила своему мужу: «Будешь руки распускать — гляди, небо-то всё видит!»

Масла в огонь подлила и Тянь Ши. Она устроила настоящий дебош в траурном зале, требуя денег. Кричала, что её поле теперь проклято, и она не уйдёт, пока не получит своё.

Гу Чжао, слушая об этом от Син-гэ'эра, едва сдерживал смех.

— И что, заплатили? — спросил Чжоучжоу.

Син-гэ'эр в восторге хлопнул себя по колену:

— А куда деваться! Старуха Ван отпиралась, так госпожа Тянь у самого гроба выть начала не по покойнику, а по своему рису... В общем, откупились тридцатью монетами.

Деньги небольшие, но Тянь Ши на этом не остановилась. Она прихватила со стола охапку ритуальных денег и свечей, пошла на своё поле и там всё сожгла.

И что бы вы думали? На следующий день, когда Эргоу понесли на кладбище, дожди разом прекратились и выглянуло яркое солнце.

Теперь уж вся деревня окончательно уверовала: покойного забрали призраки предков. Старуха Ван больше не смела обвинять Ван Сюэ. Боялась, что сын во сне явится и кару накличет. В сердцах она лишь поносила вдовца за закрытыми дверями, называя его «проклятым вестником смерти».

На похоронах Сяо Тянь шёл впереди всех с глиняным горшком в руках. У могилы он по обычаю разбил его об землю. Дед с бабкой выли, а мальчик стоял молча. Ван Сюэ тоже плакал, но голосил он точь-в-точь как Тянь Ши — шуму много, а слез нет.

Односельчане качали головами: «Надо же, какой Ван Сюэ верный, так убивается по такому никчёмному мужу».

«Это их "добрый", — размышлял Гу Чжао, — скорее всего, означает "безответный и покорный", но кажется, дядя Ван наконец-то научился хитрить»

Ван Сюэ за эти дни не потратил ни гроша и даже из комнаты почти не выходил, заслужив репутацию «убитого горем праведника». Старики сами всё оплачивали и сами хлопотали. Теперь Ван Сюэ — вдовец с ребёнком на руках, и никто в деревне не посмеет его обидеть, чтобы не прослыть притеснителем сирот.

***

Май

Смерть Ван Эргоу потихоньку забылась. Наступило тепло, земля просохла, и в семье Ли снова закипела работа. Соседи по привычке посмеивались: «После такого-то ливня — и снова воду в поле льют? Нешто утопить урожай вздумали?»

Даже Син-гэ'эр пытался образумить Ли Чжоучжоу:

— В других делах слушай мужа, слова не скажу, но в поле-то! Бросьте вы это, Чжоучжоу, поговори с отцом, не доводите до греха.

Чжоучжоу лишь благодарил за заботу и продолжал таскать вёдра.

К концу апреля ватные куртки окончательно переключались в сундуки. Юноша принялся за большую стирку. Хозяйки в это время распарывали зимнюю одежду, вынимали вату, просушивали её на солнце и заново простегивали подкладку. Юноша перестирал все вещи, просушил хлопок и аккуратно уложил всё в сундуки.

В лёгких рубахах и дела пошли спорее. Гу Чжао полюбил носить старые рабочие куртки Чжоучжоу.

— Муж мой, неужто ты подрост? — заметил как-то Чжоучжоу, глядя, как одежда натягивается на плечах Гу Чжао.

Тот повел плечами, и ветхая ткань с треском лопнула подмышкой.

— Всю зиму твои вещи донашивал, — рассмеялся Гу Чжао. — Видать, перерос я твой пятнадцатилетний возраст.

Гу Чжао и впрямь вытянулся. В начале года его рост был около ста семидесяти четырёх сантиметров. Теперь же, в свои семнадцать, окрепнув от работы, он выглядел куда внушительнее.

— И впрямь подрост! — Гу Чжао с восторгом прижался к плечу супруга. Разница в росте стала совсем незаметной. Как минимум метр семьдесят шесть или семьдесят семь уже есть!

«Если вспомнить прошлую жизнь, то на третьем курсе университета мой рост составлял сто восемьдесят семь сантиметров. Пожалуй, если постараться, в этой жизни тоже можно замахнуться на такой результат!»

Ли Чжоучжоу довольно улыбнулся. Его муж стал статным, сильным, а в лице прибавилось здорового румянца.

«Мой муж вовсе не такой!»

Чжоучжоу с гордостью подумал о том, что теперь никто не назовет его супруга «хилым книжником».

Пшеница на полях наливалась день за днём. К середине мая поля стояли изумрудным ковром, стебли вытянулись по колено, и колосья наливались необычайно быстро.

Ли Да, хоть и не ждал чуда от затеи зятя, теперь всё чаще задерживался у кромки поля. Чем больше наливался колос, тем яснее становилось: урожай будет небывалым. В отличие от прошлых лет, в этот раз злаки наливались необычайно плотными и густыми.

— Ли Да! — окликнул его как-то сосед. — Поля у тебя ровные, колос тяжёлый. Добрый урожай будет, не чета нашему.

Старик старался не подавать виду, лишь скромно отмахивался:

— Да кто ж его знает, пока в амбар не засыпали. Может, пустые они внутри.

Соседи согласно кивали, но втихомолку шептались: «Неужто и впрямь та вонючая вода пользу принесла?»

Правда должна была открыться совсем скоро. В деревне налоги платили с веса обмолоченного зерна, и староста строго следил за каждой меркой. Утаить урожай было невозможно.

Зима была снежной, весна — дождливой, так что у всех посевы уродились на славу. Поля старика Ли хоть и выделялись, но сельчане всё ещё сомневались. Одна доу — это двадцать цзиней, так что десять доу потянут на все двести.

Никто и помыслить не мог, что с каждого му земли Ли Да соберёт вдвое больше обычного. Даже сам хозяин дома в это пока не верил.